На правах рукописи

ТАН МЭН ВЭЙ

ОБРАЗ ГЕРОЯ-ИНТЕЛЛИГЕНТА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920 – 1930-х гг.: ЛИТЕРАТУРНАЯ МЕТРОПОЛИЯ И ДИАСПОРА. (ДИАЛОГ С ОПЫТОМ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1950 – 1960-х гг.)

Специальность: 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2017

Работа выполнена на кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Научный руководитель: доктор филологических наук
Чагин Алексей Иванович

Официальные оппоненты: **Азаров Юрий Алексеевич**
доктор филологических наук
ФГБУН «Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН»
ведущий научный сотрудник отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья

Федякин Сергей Романович
кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Литературный институт имени А.М. Горького»
доцент кафедры новейшей русской литературы

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Московский государственный областной университет»

Защита состоится «16» марта 2017 года в 16.00 часов на заседании диссертационного совета Д.501.001.32 при ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» и на сайте филологического факультета: http://dissovet.philol.msu.ru/

Автореферат разослан «___» _____ 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук доцент О.С. Октябрьская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Размышляя об исторических путях России и Китая в XX веке, мы понимаем, что современная история обеих стран имела немало моментов сближения. Революции, войны, репрессии, раскол – все это оказало влияние не только на развитие политической ситуации мира в целом, но и, в частности, на культуру, язык и дух двух народов. Сложная и быстро меняющаяся социально-политическая, культурно-историческая ситуация в двух соседних странах в этот период отмечена сомнениями и противоречивыми исканиями национальной интеллигенции. В России трагические последствия, вызванные событиями Октябрьской революции и братоубийственной Гражданской войной, привели к потере большой части культурной элиты нации, покинувшей Родину. В Китае же после прихода к власти коммунистов в 1949 году с материка бежала немалая часть видных деятелей культуры и науки. Большинство из них вместе с бывшим главнокомандующим страны Чан Кайши перебралось на остров Тайвань. С этого момента страна раскололась на две части: материковый Китай (КНР) и Тайвань (Китайская республика).

Близость исторических путей России и Китая в минувшем столетии обусловила близость судеб двух литератур – возникновение в каждой из них литературной метрополии и диаспоры. На фоне пережитых исторических потрясений многие писатели, обращаясь к событиям минувшего, к собственному жизненному опыту, создавали произведения, в центре которых оказывались герои-интеллигенты, судьбы и духовный опыт которых были неотделимы от драматических поворотов в истории страны. В многообразии образов и судеб интеллигенции эти писатели сумели воссоздать сложную переломную эпоху, которая меняет жизнь как отдельных людей, так и целых народов. В этом контексте весьма интересным и важным представляется обращение к проблеме своеобразия образа героя-интеллигента в русской литературе 1920 – 1930-х годов в контексте соотношения двух потоков разделенной после 1917 г. литературы: на Родине и в изгнании. В рамках такого сопоставительного рассмотрения проблемы возникает возможность и второго

сопоставления – с аналогичным опытом китайской литературы 1950 – 1960-х годов.

У представителей русской интеллигенции М.А. Булгакова и Г.И. Газданова после октябрьского переворота судьбы сложились по-разному: один остался в России, другой оказался в эмиграции. В центре внимания обоих писателей находились проблемы интеллигенции, ее взглядам и судьбам посвящены цикл рассказов М.А. Булгакова «Записки юного врача» и роман Г.И. Газданова «Вечер у Клэр». Схожие ситуации были и в китайской литературе после образования КНР и переезда гоминьдановской власти на Тайвань. Жизненные пути писателей, носителей многовековой китайской культурной традиции, Ван Мэна и Бай Сяньюна после 1949 года шли в разных направлениях: первый решил посвятить себя строительству нового социалистического Китая, второй – покинуть Родину. Все их раздумья и переживания о судьбе китайской интеллигенции в те годы нашли отражение в рассказе Ван Мэна «Новичок в орготделе» и сборнике рассказов Бай Сяньюна «Тайбэйцы».

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению – в рамках заявленной темы – особенностей художественного и сюжетного своеобразия вышеупомянутых произведений, прежде всего, русской литературы, а отсюда – выявлению характерных художественных тенденций в утверждении образа героя-интеллигента на каждом из путей разделенной литературы: в России и в зарубежье; и, кроме того, рассмотрению, в контексте рассматриваемой проблемы, черт типологического сходства в судьбах русской и китайской разделенных литератур в XX веке.

Степень изученности проблемы. Образ героя-интеллигента в художественных произведениях, созданных в переломную эпоху, в большой степени обладает автобиографическими чертами. Чаще в нем находит отражение собственный жизненный путь и опыт самого писателя. По этой причине в данной работе внимание обращено не только на общий историко-литературный анализ художественных текстов, но и на историко-

культурологический и биографический аспекты изучения творчества того или иного автора.

С момента возвращения творчества М.А. Булгакова к российскому читателю в изучении его литературного наследия сделано уже достаточно много. Здесь стоит назвать, прежде всего, работы М.О. Чудаковой[1], В.В. Петелина[2], Ю.Г. Виленского[3], Е.А. Земской[4], Б.В. Соколова[5], А.Н. Варламова[6], посвященные воссозданию раннего периода жизни писателя и его службы в качестве земского врача в российской глуши, а также труды Л.М. Яновской[7], Е.А. Яблокова[8], М.Ю. Михеева[9], И.С. Урюпина[10], М.С. Штеймана[11], в которых осуществляются попытки выявить художественные и сюжетные особенности прозы М.А. Булгакова 1920 – 1930-х годов.

Начало академического изучения литературного наследия Г.И. Газданова было положено публикацией монографии американского слависта Ласло Диенеша «Russian Literature in Exile: The Life and Work of Gajto Gazdanov» (Munchen, 1982; рус. пер. «Гайто Газданов. Жизнь и творчество». Владикавказ, 1995). Вслед за этим в России появилось немало научных исследований, посвященных этой загадочной фигуре первой волны русской эмиграции. В обращении к дебютному роману Г.И. Газданова «Вечер у Клэр» немалый

---

[1] Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд., доп. – М.: Книга, 1988.
[2] Петелин В.В. Михаил Булгаков: Жизнь. Личность. Творчество. М.: Московский рабочий, 1989.
[3] Виленский Ю.Г. Доктор Булгаков. – Киев: Здоровье, 1991.
[4] Земская Е.А. Михаил Булгаков и его родные: Семейный портрет. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
[5] Соколов Б.В. Булгаковская энциклопедия. – М.: Эксмо, Алгоритм, Око, 2007.
[6] Варламов А.Н. Михаил Булгаков. – М.: Молодая гвардия, 2008.
[7] Яновская Л.М. Творческий путь Михаила Булгакова. – М.: Советский писатель, 1983.
[8] Яблоков Е.А. Текст и подтекст в рассказах М. Булгакова («Записки юного врача») – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002.
[9] Михеев М.Ю. Повтор мотива в «Записках юного врача» Булгакова // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия. Сб. памяти В.П. Григорьева. – М.: ИРЯ РАН, 2007. С. 235-242.
[10] Урюпин И.С. Национальные образы-архетипы в творчестве М.А. Булгакова: автореф. дис. ... док. филол. наук: 10.01.01 / Урюпин И.С.; Елец. гос. ун-т им. И.А. Бунина. – Елец, 2011.
[11] Штейман М.С. Своеобразие проблематики и поэтики цикла «Записки юного врача» М. Булгакова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж: изд-во Воронежского государственного университета, 2014. №. 1. С. 115-117.

интерес представляют, прежде всего, названная выше работа Л. Диенеша[12] и книга О.М. Орловой[13], главной задачей которых является описание жизненного пути молодого эмигранта Газданова после Октябрьской революции, а также ряд работ, посвященных поэтике и проблематике раннего творчества писателя, – таких, как монографии С.М. Кабалоти[14], Ю.В. Бабичевой[15], С.А. Кибальника[16] и статьи Е.А. Яблокова[17], А.И. Чагина[18], С.Р. Федякина[19] и А.В. Леденева[20]. Стоит особо отметить, что тема «М.А. Булгаков и Г.И. Газданов» в современном литературоведении впервые поднята исследователем Е.А. Яблоковым в вышеупомянутой статье, где автор, отмечая некоторые «точки соприкосновения» в биографиях и произведениях двух писателей, проводит тщательный анализ общих мотивов и приемов в их творчестве.

Говоря о работах, посвященных жизни и творчеству одного из крупнейших писателей нового Китая – выдающегося прозаика Ван Мэна, следует упомянуть, прежде всего, о трудах российских синологов-литературоведов, поскольку в России есть большой опыт изучения творчества Ван Мэна, обретенный еще с советских времен. В частности, анализ рассказа «Новичок в орготделе» осуществлен в работах С.А. Торопцева[21], В.Ф.

---

[12] Диенеш Л. Гайто Газданов. Жизнь и творчество. Пер с англ. Т. Салбиев. – Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. ин-та гуманитарных исслед., 1995.
[13] Орлова О.М. Газданов. – М.: Молодая гвардия, 2003.
[14] Кабалоти С.М. Поэтика прозы Гайто Газданова 20-30-х годов. – СПб.: Петербургский писатель, 1998.
[15] Бабичева Ю.В. Гайто Газданов и творческие искания Серебряного века: Учебное пособие по курсу истории русской зарубежной литературы XX века. – Вологда: издательство ВГПУ «Русь», 2002.
[16] Кибальник С.А. Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе. – Санкт-Петербург: Петрополис, 2011.
[17] Яблоков Е.А. Железный путь к площади согласия («железнодорожные» мотивы в романе «Вечер у Клэр» и в произведениях Булгакова) // Газданов и мировая культура: Сборник научных статей. – Калининград: ГП «КГТ», 2000.
[18] Чагин А.И. Гайто Газданов – на перекрестке традиций // Гайто Газданов в контексте русской и западноевропейских литератур. – М.: ИМЛИ РАН, 2008.
[19] Федякин С.Р. Русская литература XIX века в творчестве Гайто Газданова // Гайто Газданов в контексте русской и западноевропейских литератур. – М.: ИМЛИ РАН, 2008.
[20] Леденев А.В. Гайто Газданов // История литературы русского зарубежья (1920-е – начало 1990-х гг.): Учебник для вузов / Под ред. А.П. Авраменко. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2011.
[21] Ван Мэн. Избранное / Сост. и предисл. С.А. Торопцева. – М.: Радуга, 1988.

Сорокина[22], Д.Н. Воскресенского[23], Г.А. Амановой[24] и Е.К. Шулуновой[25], а также в трудах китайских исследователей Хун Чжичэна[26] и Чэнь Сыхэ[27].

Интерес к изучению тайваньской литературы как одной из ветвей общекитайской литературы в России по понятным политическим причинам начался несколько позже, лишь после распада СССР. В начале 1990-х гг. В.Ф. Сорокин, побывав на острове несколько месяцев, первым обратил внимание российского научного сообщества на вопрос о культурной идентичности тайваньской литературы.[28] С течением времени внимание к творчеству тайваньских авторов заметно увеличивается, однако большая часть из них остается малоизученной. В данный момент пока отсутствует систематизированный перевод сборника рассказов Бай Сяньюна «Тайбэйцы» на русский язык. Вместе с тем, в трудах тайваньских исследователей это произведение, его поэтика и проблематика не раз становились объектом

[22] Ван Мэн. Новичок в орготделе / Пер. В.Ф. Сорокин // Люди и оборотни: рассказы китайских писателей. – М.: Прогресс, 1982. С. 25-62.
[23] Китайские метаморфозы: современная китайская художественная проза и эссеистика / Сост. Д.Н. Воскресенский. – М.: Восточная литература РАН. 2007. С. 17-78, 418-421.
[24] Аманова Г.А. Ван Мэн: жизнь и творчество: дис. … канд. филол. наук: 10.01.06 / Г.А. Аманова; Ин-т востоковедения. – Москва: 1993.
[25] Шулунова Е.К. Концепция творчества и творческой личности в прозе и публицистике китайского писателя Ван Мэна (1934 г.р.): дис. … канд. филол. наук: 10.01.06 / Е.К. Шулунова; Ин-т востоковедения. – Москва: 2005.
[26] 洪子誠，《中國當代文學史》。北京：北京大學出版社，2007。Хун Цзычэн. Чжунго дандай вэньсюэши (История современной китайской литературы). – Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2007.
[27] 陳思和，《中國當代文學史教程》（第二版）。上海：復旦大學出版社，2005。Чэнь Сыхэ. Чжунго дандай вэньсюэши цзяочэн (Курс истории современной китайской литературы). 2-е издание. – Шанхай: Изд-во Фуданьского университета университета, 2005.
[28] Сорокин В.Ф. Существует ли «тайваньская литература»? // Проблемы Дальнего Востока – М.: Институт Дальнего Востока РАН. 1993, № 5. С. 129-137.

изучения – назовем здесь работы Оу Янцзы[29], Ли Шисюе[30], Чэнь Фанмин[31] и Чжу Фанлин[32].

Что же касается опыта изучения внутренней целостности разделенной литературы и соотношения двух потоков ее развития, в обращении к русской литературе у истока формирования этой проблематики стоит Г.П. Струве. В 1954 году в статье «The Double Life of Russian Literature»[33] исследователь, обращаясь к опыту раскола русской литературы после 1917 года, говорил о необходимости отдельного рассмотрения каждого из потоков литературного развития: литературы эмиграции и литературы метрополии. Эту позицию поддерживал и дальше развивал Л.С. Флейшман. В 1978 году в Женеве на симпозиуме «Одна или две русских литературы?», ученый утверждал необходимость «построения интегральной картины новой русской литературы, составные части которой могут быть представлены в динамических отношениях системного взаимодействия»[34]. С конца минувшего столетия появилось немало работ, где предметом изучения становятся произведения, представляющие оба потока разделенной литературы (например, работы О.Н. Михайлова о Бунине[35]). На рубеже XX-XXI веков А.И. Чагин, рассматривая характер взаимодействия двух потоков русской литературы в 1920 – 1930-е годы, предложил свою «формулу» разделенной литературы – «одна литература и два

[29]歐陽子，《王謝堂前的燕子：〈台北人〉賞析》。台北：爾雅，2014。Оу Янцзы. Ван Се танцянь дэ яньцзы: «Тайбэйжэнь» шанси (Ласточка над покоями Ван и Се: Поэтика и проблематика сборника рассказов «Тайбэйцы»). – Тайбэй: Эръя, 2014.

[30] 李奭學，《三看白先勇》。台北：允晨文化公司，2008。Ли Шисюе. Сань кань Байсяньюн (Три взгляда на Бай Сяньюна). – Тайбэй: Юньчэнь вэньхуа гунсы, 2008.

[31]陳芳明，《台灣新文學史》（上冊）。台北：聯經，2011。Чэнь Фанмин. Синь Тайвань вэньсюэши (История современной тайваньской литературы). – Тайбэй: Ляньцзин, 2011. Т. 1.

[32] 朱芳玲，《六０年代台灣現代主義小說的現代性》。台北：台灣學生書局，2010。Чжу Фанлин. Люлин няньдай Тайвань сяньдайчжуи сяошо дэ сяньдайсин (Современность тайваньского модернистского романа в 1960-е годы). – Тайбэй: Тайвань сюэшэн шуцзюй, 2010.

[33] Struve G. The Double Life of Russian Literature // Books Abroad. New York. 1954. Vol.28, № 4. pp. 389-406.

[34] Флейшман Л.С. Несколько замечаний к проблеме литературы русской эмиграции // Одна или две русских литературы? – Женева: Editions L'Age D'Homme, 1981. С. 63.

[35] Михайлов О.Н. И.А. Бунин. Жизнь и творчество. – Тула: Приокоское книжное издательство, 1987.

литературных процесса»[36], которая вошла в литературоведческий оборот при обращении к этой проблематике. В китайском литературоведении, в обращении к истории китайской литературы XX века подобный опыт рассмотрения разделенной литературы пока еще отсутствует.

Актуальность исследования. Предлагаемое диссертационное исследование продолжает – в обращении к образу героя-интеллигента в литературе – одну из линий современных историко-литературных исследований, направленных на изучение характера взаимодействия двух путей разделенной после революции 1917 г. русской литературы. Помимо этого, предлагаемая диссертация является первой обстоятельной научной работой, анализирующей (на названном уже материале) черты общего и особенного в судьбах разделенных русской и китайской литератур в XX веке. На примере воплощения в литературных произведениях процесса становления личности героя-интеллигента в переломную эпоху в работе выделены и рассмотрены два типа художественного повествования, отвечающих своеобразию литературной, культурной ситуации *здесь* и *там*, на родине и в литературном зарубежье; сопоставлен опыт двух великих национальных литератур, оказавшихся в минувшем столетии в ситуации во многом схожего исторического, духовного разлома.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем, во-первых, представлен в сопоставительном рассмотрении образ героя-интеллигента как один из ключевых образов в создании верной и целостной картины русской литературы 1920 – 1930-х годов, развивавшейся в России и в русском зарубежье; во-вторых, выделены два типа прозаического повествования на двух путях литературного развития: в метрополии и в диаспоре; в-третьих, предложена картина двух ветвей разделенной китайской литературы 1950 – 1960-х годов: китайской материковой и тайваньской литературы, показаны

[36] Чагин. А.И. Расколотая лира. Россия и зарубежье: судьбы русской поэзии в 1920 – 1930-е годы. – М.: Наследие, 1998.

черты типологической близости в развитии разделенных литератур на примере судеб русской и китайской литератур послереволюционной эпохи в XX веке.

Объект исследования – русская проза 1920 – 1930-х годов, развивавшаяся в России и в русском зарубежье, и китайская материковая и тайваньская литература 1950 – 1960-х годов; произведения двух разделенных литератур, утверждавшие образ героя-интеллигента в переломный момент национальной истории.

Предмет исследования – типология образа героя-интеллигента на обоих берегах разделенных литератур; процесс формирования в литературе образа героя-интеллигента в эпоху исторических потрясений; возникающие здесь характерные черты соотношения двух потоков литературного развития: в метрополии и в диаспоре.

Материалом для анализа были выбраны прозаические произведения русской литературы 1920 – 1930-х годов и китайской литературы 1950 – 1960-х годов, в которых возникает образ героя-интеллигента, несущий в себе черты времени. В центре внимания оказывается герой, его судьба и духовный путь, которые являются обобщенным отображением судьбы и духовного пути интеллигенции описываемого исторического периода. В первой и второй главах работы материалом для анализа стали цикл рассказов «Записки юного врача» М.А. Булгакова и роман «Вечер у Клэр» Г.И. Газданова; в третьей – рассказ «Новичок в орготделе» Ван Мэна и сборник рассказов «Тайбэйцы» Бай Сяньюна.

Целью работы является анализ и характеристика образов героев-интеллигентов, изображенных в произведениях М. Булгакова и Г. Газданова; выявление особенностей двух разных типов прозаического повествования, отвечающих своеобразию каждого из путей развития разделенной после 1917 г. русской литературы; демонстрация, в обращении к произведениям Ван Мэна и Бай Сяньюна, картины разделения китайской литературы после 1949 г. и путей создания образа героя-интеллигента в китайской литературной метрополии и в диаспоре; в сопоставлении художественного опыта рассматриваемых

произведений русских и китайских писателей – определение черт типологической близости в развитии двух разделенных литератур в XX веке.

Для достижения поставленной цели в ходе исследования решаются следующие **задачи**:

– выявить способы создания образа героя-интеллигента в русской литературе 1920 – 1930-х годов на двух путях ее развития: в России и в русском зарубежье; показать особенности художественного и сюжетного своеобразия в изучаемых произведениях;

– охарактеризовать специфику художественного преломления реальности в литературной метрополии и диаспоре;

– показать пути создания образа героя-интеллигента в китайской литературе 1950 – 1960-х годов: как на материке, так и в тайваньской «ветви» национальной литературы; выявить типологические черты в развитии разделенных литератур, определить общее и особенное в судьбах русской и китайской литератур в XX веке.

Методологическую основу диссертации составляет комплексный исследовательский подход, включающий в себя биографический, историко-литературный, историко-культурологический и сравнительно-типологический методы анализа. В исследовании был использован опыт А.Н. Веселовского, М.М. Бахтина, В.М. Жирмунского, Ю.М. Лотмана, Д.С. Лихачева, М.Л. Гаспарова, В.Е. Хализева, Ю.В. Манна и др.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что разработанные в ней модели и принципы сопоставительного анализа художественных произведений, представляющих своеобразие каждого из путей развития в разделенных русской и китайской литературах – в литературной метрополии и в диаспоре – могут быть применены для исследования типологически сходных явлений разделенных национальных литератур, а также для формирования более полного, выверенного представления о мировом литературном процессе в XX веке.

Практическая значимость работы обусловлена тем, что содержащиеся в данном исследовании наблюдения и выводы могут быть использованы при чтении лекционных курсов и проведении практических занятий по истории русской и китайской литератур XX века, при изучении творчества М.А. Булгакова, Г.И. Газданова, Ван Мэна и Бай Сяньюна, при разработке спецкурсов по проблемам сопоставительного рассмотрения истории национальных литератур двух стран, а также при при историко-литературном и теоретическом рассмотрении закономерностей развития разделенных литератур в XX в.

На защиту выносятся следующие **положения:**

1. В XX веке, на фоне происходивших в России и Китае революционных событий, в обеих литературах наблюдается тенденция создания образов героев-интеллигентов, чьи судьба и духовный мир воплощали в себе смысл и противоречия переломной эпохи. В произведениях писателей молодого поколения России и, позднее, Китая подобные образы возникали на основе собственного жизненного опыта авторов, что сообщало достоверность всему строю мыслей, переживаний героев, их судеб, в которых отразились исторические события тех лет. Большое значение здесь приобретали вопросы духовных потребностей, нравственного выбора интеллигенции в годы исторических перемен.
2. Внимания и осмысления заслуживают два типа прозаического повествования, характерные для каждого из путей развития разделенных литератур, проявившие себя в литературной метрополии и диаспоре России и Китая в XX веке: в метрополии судьба героя-интеллигента, мир его мыслей и переживаний показаны в реальном столкновении с действительностью (цикл рассказов «Записки юного врача» М. Булгакова и рассказ «Новичок в орготделе» Ван Мэна); в диаспоре же, в литературном зарубежье взаимодействие героя со временем передается через события и повороты его внутренней жизни (роман Г. Газданова «Вечер у Клэр» и сборник рассказов «Тайбэйцы» Бай Сяньюна).

3. Сходство исторических путей двух соседних цивилизаций в минувшем столетии обусловило сходство судеб двух национальных литератур – опыт русской и китайской разделенных литератур обнаруживает черты типологического родства как в тематико-стилевом, так и в структурно-содержательном планах.

Апробация работы. Основные положения исследования были представлены в форме докладов на международных конференциях в Москве: V Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: Исторические судьбы и современность» (МГУ имени М.В. Ломоносова, март 2014 г.); VI Международная научно-практическая конференция «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного» (МГУ имени М.В. Ломоносова, ноябрь 2015 г.); и в Санкт-Петербурге: VI Международная научная конференция «Проблемы литератур Дальнего Востока» (СПбГУ, июнь 2014 г.). По теме диссертации опубликовано восемь статей, три из которых размещены в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертационное исследование общим объемом 194 страницы состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии, насчитывающей 163 наименований источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определены актуальность выбора темы, степень ее изученности; сформулированы объект, предмет, материал, методологическая и теоретическая основы исследования, его научная новизна; обозначены цель и задачи работы; выделены основные положения, выносимые на защиту; указана теоретическая и практическая значимость диссертации; приведены сведения об апробации, а также представлена структура диссертации.

Первая глава – «Эволюция темы становления героя-интеллигента в русской прозе XX века: от "Записок врача" В.В. Вересаева к "Запискам юного врача" М.А. Булгакова» – посвящена рассмотрению – на материале

цикла рассказов М.А. Булгакова «Записки юного врача» – путей утверждения образа героя-интеллигента в русской прозе 1920-х годов, развивавшейся в России. Здесь прослежена эволюция темы становления подобного героя в русской прозе начала XX столетия – от «Записок» В.В. Вересаева к «Запискам» М.А. Булгакова. Предметом развернутого анализа в главе становятся особенности сюжетного построения «Записок юного врача» М.А. Булгакова; внутренняя структура возникающего здесь образа героя-интеллигента, утверждающего себя в столкновении с суровой исторической действительностью; выявляются основные черты художественного своеобразия «Записок».

В *первом параграфе* – **«"Записки" В. Вересаева и "Записки" М. Булгакова: история создания и историко-литературный контекст»** – представлены основные вехи жизни и творчества раннего периода двух писателей. На рубеже XIX-XX веков заметное место в истории русской литературы занимал образ врача, его деятельность служила предметом горячих обсуждений критиков. Знание медицинских дисциплин и близость к пациентам позволяют писателю-врачу проникнуть в глубины человеческой психики, раскрыть душу русского народа. Вересаева и Булгакова объединяло с Чеховым не только сходство внешних жизненных обстоятельств и внутренних переживаний, свойственных врачу. Творчество этих трех писателей отличает гуманистическая авторская позиция, тонкий психологический анализ душевного состояния врача, экзистенциальное одиночество, своеобразная поэтизация интеллигенции, сталкивающейся с порою суровой исторической реальностью и многовековой темнотой народа. Врачебную деятельность Вересаева и Булгакова разделяло 15-20 лет. Их «Записки» – примерно тот же срок. Очевидна тесная связь между этими произведениями: в них писатели создают образ трудящегося молодого русского интеллигента, готового служить народу. Отсутствие практических навыков делает его беспомощным, когда он вступает на стезю самостоятельной работы и встречается лицом к лицу с больным человеком. Вересаев, как активный участник общественной жизни

страны, в своей книге занял позицию публициста: больше внимания уделял острым вопросам современности, проблемам врачебной профессии и морального облика врача. А для Булгакова было важно, прежде всего, показать силу личного подвига юного врача, который борется за жизнь сельских жителей, бескорыстно помогает больным и несет просвещение простому народу.

Второй параграф назван **«Художественное своеобразие "Записок" В. Вересаева и М. Булгакова»**. В нем анализируется общая и особенная для обоих писателей идея творческой личности, воплощенная в образе героя-интеллигента. Герой Вересаева – это своеобразное художественно-публицистическое обобщение, живой тип современного Вересаеву рядового русского врача-общественника, записки которого исполнены горячим желанием не только честно и открыто разобраться во многих запутанных и трудных проблемах медицинской науки и практики, но и дать широкую и правдивую картину жизни народа. Не человек, но *проблема* оказывается здесь в центре внимания писателя. А в «Записках юного врача» Булгакова на первый план выходит именно судьба героя – это молодой врач-энтузиаст, который только что окончил университет, после чего был направлен на работу в глухую провинцию. Встреча с крестьянским миром, ранее интеллигенту незнакомым, позволяет увидеть подлинную жизнь русской деревни. Сопоставляя эти два произведения, размышляя об их значении в формировании литературного процесса XX века, можно предположить, что русская литература в своей эволюции в утверждении образа героя-интеллигента (в данном случае – врача) на пути от «Записок» Вересаева к «Запискам» Булгакова развивалась в следующем направлении: от поднятия важных социальных, профессиональных, нравственных проблем, с которыми связана миссия врача – к выдвижению на первый план произведения самого героя во всей сложности его духовного мира, с его победами, поражениями, сомнениями и верой в победу добра. Возможно, эти наблюдения над произведениями двух писателей, созданными одно на рубеже XIX-го и XX-го столетий, а другое в конце 1910-х и в 1920-е годы (время, отмеченное большими историческими потрясениями), дают основание говорить о том, что

русская литература шла в это время по пути все большего утверждения важности каждой отдельной человеческой личности.

«Сюжетное своеобразие "Записок юного врача"» стало предметом рассмотрения в *третьем параграфе*. В нем мы замечаем профессиональный и глубоко личный взгляд автора на героев и происходящие события. Семь рассказов цикла объединяет не только личность рассказчика, но и время, и место действия; и единая, связующая все рассказы, сюжетная линия – судьба юного врача в сельской глубинке в пореволюционные годы. Всем рассказам свойственны локальный сюжет и кратковременность самого события (чаще всего описываемые действия происходят в течение одного дня). Хотя Булгаков описывает лишь отдельные моменты из врачебной практики, по ним мы можем составить полную картину жизни героя и прочувствовать до конца его переживания и рассуждения. Многосоставность, мозаичность, композиционная дробность присущи уже самым первым опытам прозы писателя. Внутренняя взаимосвязь рассказов, как показывает их анализ, достигается сквозными метафорическими мотивами («красное/белое», «тьма/свет», «метельный» пушкинский мотив), единичными символическими образами, возникающими в том или ином рассказе и выходящими за рамки самого рассказа, придающими героический смысл всему циклу (картина символического сна в «Тьме египетской»). Кроме того, эволюция героя, процесс его развития из юноши в мужчину создает единую цепь повествования, звеньями которой являются его ежедневный труд, общение с местными жителями и весь его опыт проживания в деревне.

Четвертый параграф – **«Образ героя: носитель традиционной культуры в столкновении с суровой исторической реальностью»** – представляет собой подытоживающий содержание предшествующих разделов главы анализ образа героя-интеллигента в цикле рассказов «Записок юного врача». Образ главного героя рассматривается здесь в контексте его взаимодействия с суровой действительностью. Это типичный представитель русской интеллигенции, вполне сознающий свою роль в обществе. Он осознает

свою миссию нести просвещение в народ, в глубокую периферию, где царят многовековая антисанитария, невежество и «культурный мрак». Его энергия естественным образом воплощается в реальный результат, укрепляет его положение, авторитет, поднимает порой до могущества (он «воскрешает» больных). Внутреннее призвание в молодом враче соединяется с полнотой личной ответственности, в которой совмещаются все возможные ее виды – ответственность перед собой, перед другими, перед обществом, перед народом. Он, подобно Дон Кихоту, вместе со своей ратью (упомянутая выше символическая сцена сна в «Тьме египетской») стремится изменить мир вокруг себя. Стоит подчеркнуть, что такой взгляд на жизнь – черта нового времени, черта литературы, прошедшей уже и через героический пафос горьковских рассказов и пьес, и через новый опыт исторических потрясений. В отличие от «Записок врача» Вересаева, где так явно и сильно проявляется публицистическое начало, где автор обращается к больным проблемам современной ему медицины, и шире – современного ему общества (это самый конец XIX века), во всех рассказах булгаковских «Записок» мы не встречаем ни одного пафосного слова об излечении общества, но сам призыв к борьбе за новую, светлую жизнь (то, чем была тогда охвачена русская литература), в том числе и к борьбе с «тьмой египетской» невежества, дает здесь о себе знать. Очевидно в булгаковских «Записках» и внутреннее развитие образа, процесс мужания героя в ходе взаимодействия с непростой исторической реальностью.

Во **второй главе – «''Вечер у Клэр'' Г. Газданова и особенности прозы молодого поколения первой ''волны'' русской эмиграции» –** рассмотрен вопрос о формировании образа героя-интеллигента в зарубежной русской прозе послереволюционного периода. Роман Г. Газданова «Вечер у Клэр» исследуется здесь как пограничное явление в истории русской литературы, соединяющее классические и модернистские, русские и европейские литературные традиции, включающее в себя разные виды искусства начала XX столетия. Анализ произведения дает возможность выявить черты, характерные для литературы в изгнании: обращенность повествования в пространство внутренней жизни

героя как основа сюжетного построения романа; катастрофичность сознания героя-эмигранта в эпоху исторических потрясений.

В *первом параграфе* – **«Роман Г. Газданова в контексте русских и европейских литературных течений 1910 – 1920-х годов»** – дается характеристика развития литературы первой «волны» русской эмиграции; основное внимание при этом уделено младшему поколению писателей зарубежья, которые покинули Россию в совсем юном возрасте, унося тяжелейшую память о произошедших трагических событиях. Они черпали темы и сюжеты для творчества в окружающей эмигрантской реальности, обращаясь при этом к своим истокам, возвращаясь к отечественным литературным традициям, будучи обогащенными новейшими европейскими художественными открытиями. Среди них одним из самых ярких мастеров был Г. Газданов – писатель, который не только наследовал лучшие традиции русской классики, опыт литературы серебряного века, но еще и активно усваивал творческий опыт Запада. В его дебютном романе «Вечер у Клэр» очевидно неоспоримое влияние творчества М. Пруста, Л. Толстого и И. Бунина. Стоит также отметить, что хотя этот роман, как и всю прозу Газданова, в России долгое время не знали, – он начал возвращаться на Родину лишь только с середины 1990-х годов – это не помешало ему стать значительным и своеобразным явлением русской прозы XX века – во многом именно в силу того, что здесь соединился опыт русской и западноевропейской литературных традиций. Опыт Газданова показывает, что на этом культурном «перекрестке» открывается возможность создания верного и целостного представления о русском литературном процессе XX века.

Во *втором параграфе* – **«Художественное своеобразие романа: между традицией и авангардом»** – внимание сосредоточено на подробном анализе художественного своеобразия романа «Вечер у Клэр» Г. Газданова. Гайто Газданов представляет собой «пограничное явление» в русской литературе. Он, как известно, вырос на пересечении трех культурных традиций: русской, осетинской и французской, поднялся в контексте исторических и

мировоззренческих катастроф начала XX столетия. Его творчество развивалось на почве «классики» и «модерна», впитало в себя не только лучшие достижения старых русских мастеров, но и опыт западноевропейских художников (М. Пруста, Дж. Джойса, А. Камю, и др.). В этом разделе на конкретном анализе текста романа показывается, как художественные открытия русского золотого и серебряного века отражаются в творческой практике Газданова, тем самым соединяясь здесь с опытом европейского экзистенциализма, русского и мирового авангарда (в частности, сюрреализма), с возможностями иных видов искусств – с музыкальной стихией, с опытом русских и европейских школ живописи первой трети XX века (особенно с произведениями М. Шагала). В заключении дается вывод о том, что первый роман Газданова «Вечер у Клэр» убедительно продемонстрировал творческие силы и потенциал младшего поколения писателей русской эмиграции, утверждал новые пути уникального художественного синтеза русской литературы и литератур Запада.

В *третьем параграфе* – **«Сюжетная организация романа: события и повороты внутренней жизни героя как движущая сила сюжета»** – анализируются особенности сюжетной организации романа Г. Газданова, основное содержание которого составляют события и повороты внутренней жизни героя, его сознания, память, работа души, рефлексия непосредственных переживаний. Искусство писателя можно сравнить с искусством живой памяти. Газдановский стиль, уникальный по своей природе и направленный к исследованию глубины нестабильной и неопределенной действительности человеческого бытия, особенно ярко выражается в художественном решении проблемы памяти. Страшное одиночество, полная нищета и постоянное кочевание по городам заставляют писателя найти смысл жизни внутри себя, особенно когда никто вокруг не помогает и ничто вокруг уже не является ценностью. Значительный пласт прозы Газданова составляет именно ее экзистенциальное начало: глубокая философичность, чувственная выразительность, тонкое движение души и ощущение каждого дыхания жизни. В данном разделе осуществляемый анализ текста направлен, прежде всего, на

рассмотрение методов и форм передачи душевных состояний героя, которые сопутствуют переломным моментам в его судьбе, а также на выделение нескольких основных мотивов и образов романа, таких как «путешествие», «смерть», «холод» и образ Клэр, которые являются мощной движущей силой повествования. При этом подчеркивается, что эта черта – отчуждение героя от внешнего мира, уход в гораздо более важное для него пространство мира внутреннего, жизни души, смещение границы реального и воображаемого – свойственна не только Газданову, но, как отмечала современная критика, и всему молодому поколению эмигрантской литературы, рано потерявшему Родину, сохранившему в душе лишь смутно различимые ее образы (В.С. Варшавский)

В *четвертом параграфе* – **«Образ героя: катастрофичность сознания в эпоху исторических потрясений»** – осмысляются жизненный путь и духовное становление молодого героя романа Газданова «Вечер у Клэр», выявляются те апокалиптические темы и мотивы, которые характерны не только для его творчества, но и для произведений многих, в том числе и молодых, писателей первой волны русской эмиграции. Прежде всего, как показывает анализ текста, катастрофичность сознания в дебютном романе Газданова проявляется в сценах, связанных с Гражданской войной: и в прямом высказывании (диалог героя с дядей Виталием), и в образности (бронепоезд, убитый нырок), и в пейзаже (плачущий Севастополь, горящая Феодосия). Косвенным выражением этой черты мироощущения стал и уход повествования в глубины внутренней жизни героя, часто дающее знать о себе отстранение от событий жизни внешней. Здесь важно отметить, что истоком формирования этого мироощущения служил тяжелейший собственный жизненный опыт, который выпал на долю Газданова на фоне больших исторических перемен и потрясений. Революции, войны, раскол нации – все эти трагические события начала XX века в России не только радикально изменили судьбу самого писателя, но и во многом определили художественную направленность его произведений, оказали сильное воздействие на его творческую манеру, отразились в судьбе и в характере его

героя. Основываясь на реальных фактах раннего периода своей жизни, Газданов в романе «Вечер у Клэр» создает уникальный образ героя-эмигранта, тонко описывает его внешние жизненные обстоятельства и внутреннее душевное состояние перед лицом колоссального исторического потрясения. Роман по праву считается одним из лучших среди произведений о Гражданской войне, в нем показаны метания и духовные поиски русского интеллигента после трагического разрыва с Родиной, обретение внутренней силы и воплощение мечты на чужой земле.

В **третьей главе – «Образ героя-интеллигента в китайской материковой и в тайваньской литературе 1950 – 1960-х годов» –** прослежена история разделения китайской литературы после 1949 года; осуществлен развернутый анализ путей воплощения образа героя-интеллигента в китайской материковой литературе (в рассказе Ван Мэна «Новичок в орготделе») и в созданном в изгнании, на Тайване сборнике рассказов Бай Сяньюна «Тайбэйцы». Эти произведения избраны как объект анализа, поскольку представляют собой два типа прозаического повествования, соответствующих двум путям разделенной литературы, – и, таким образом, обнаруживают внутреннюю соотнесенность с произведениями М. Булгакова и Г. Газданова в двух первых главах работы. Рассмотрение этих произведений, рожденных, соответственно, в литературной метрополии и в диаспоре, выявление их художественного своеобразия, сравнительный анализ возникающих здесь образов героев-интеллигентов осуществляются в сопоставлении с опытом русской литературы 1920 – 1930-х годов, развивавшейся в России и в русском зарубежье, в осмыслении черт типологической близости в развитии двух разделенных литератур.

В *первом параграфе* – **«Интеллигенция в переломную эпоху: из опыта разделения китайской литературы в 1950 – 1960-е годы»** – предложен обзор политической и социокультурной ситуации в Китае в XX веке, что необходимо для понимания роли китайской интеллигенции и специфики литературного развития в рассматриваемый период. XX столетие – это одна из самых сложных,

тяжелых страниц в истории Китая. Это был век двух революций, двух мировых войн, войны сопротивления японским захватчикам, гражданской войны и последующего раскола нации. Именно в это кризисное время начинается процесс трансформации старой, традиционной китайской интеллигенции в новую интеллигенцию, боровшуюся за идеи свободы и равенства народа, стремившуюся к модернизации и вестернизации общества. Все их раздумья и переживания о судьбе своего народа нашли отражение именно в национальной литературе. В данном разделе наглядно показан исторический путь китайской литературы 1950-60-х годов, разделенной после гражданской войны на две сложные, по-своему уникальные части. На одном берегу океана, на маленьком острове прибывшие вместе со старым режимом интеллигенты, пытаясь преодолеть чувства покинутости, отчаяния и бессильного гнева, взяли на себя миссию «хранителей огня» китайской культурной традиции, а также получили новый заряд творческой энергии, испытав влияние западных модернистских течений. На другом берегу океана, на большом материке, началось широкомасштабное строительство нового социалистического Китая, партийное руководство оказывало мощное влияние на литературу, под действием которого литературное творчество, как и культура в целом, превращалось в идеологическое оружие. Многие интеллигенты испытали на себе давление политического пресса, но все равно глубоко внутри себя твердо верили в преобразования в будущем, не переставая работать и творить. Несмотря на все тяжести и бедствия, они выжили в самое трудное время и дождались оттепели, наступившей вслед за долгим периодом культурного застоя.

Во *втором параграфе* **«''Новичок в орготделе'' Ван Мэна: встреча отечественной литературы с новой социалистической действительностью»** дана характеристика основных вех жизненного и творческого пути Ван Мэна – одного из самых влиятельных мастеров современной китайской литературы. Его первые шаги в литературу как раз совпали с началом создания КНР в 1950-е годы, с тех пор его судьба была тесно связана с судьбой этого нового государства, причастность к которому он ощущал всю свою жизнь. Творчество

Ван Мэна замечательно не только своими художественными достоинствами – здесь перед нами и социально-политическое явление, зеркало «нового» Китая и его судьбы на фоне жизни нескольких поколений. Одним из первых состоятельных художественных замыслов писателя является рассказ «Новичок в орготделе», вышедший в 1956 году и вызвавший в обществе большой резонанс. «Новичок в орготделе» включает в себя одиннадцать эпизодов из жизни молодого героя, происходивших с начала его прибытия в орготдел до конца проведения заседания Бюро райкома, в котором он в первый раз принимает непосредственное участие. В этих эпизодах описываются ключевые события, ярко характеризующие особенности того времени; из них, как из фрагментов мозаики (подобно тому, как выстраивалось мозаичное пространство «Записок юного врача» М. Булгакова), складывается полная, достоверная картина послереволюционной эпохи 1950-х годов в материковом Китае. В центре рассказа находится образ молодого партработника, твердо решившего посвятить себя строительству нового Китая, несмотря на ужасный бюрократизм, формализм и равнодушие, которые царят вокруг него. В ходе конкретного анализа текста произведения, речевых характеристик героев, обращения к символическим мотивам (мотив «смены сезонов») в работе показан процесс преображения главного героя Линь Чжэня, его путь из юноши в мужчину, от новичка до мастера, создающий единую сюжетную цепь, звеном которой является история молодого героя-интеллигента, оказавшегося лицом к лицу с новой, суровой действительностью на фоне начинающихся социальных потрясений.

В *третьем параграфе* – **«"Тайбэйцы" Бай Сяньюна: китайская классическая литературная традиция в контексте западных модернистских течений»** – рассмотрение образа героя-интеллигента осуществляется в обращении к художественному миру одного из ведущих тайваньских писателей – Бай Сяньюна, уехавшего в свои ранние годы с материка на Тайвань в связи с событиями 1949 года. В своем знаменитом сборнике рассказов «Тайбэйцы» автор повествует о судьбе миллионов

переселенцев с материка после 1949 года, изображает их каждодневный быт, истории любви, культурную жизнь, картины природы, масштабные и незначительные события на фронте и вне поля боя, споры о смысле и цели жизни. В нем поставлены характерные, острые проблемы того времени: социально-исторические, нравственные, философские, эстетические и религиозные, затронут сложнейший вопрос культурной идентичности китайской интеллигенции на фоне общего мирового развития и влияния Запада. Для более глубокого раскрытия душевного состояния китайского народа после вынужденного ухода с родной земли Бай Сяньюн обратился к творческому опыту мастеров западного модернизма, соединяя в своем творчестве новые художественные теории и методы с тысячелетними китайскими классическими литературными традициями. В работе выявляется внутренняя связь «Тайбэйцев» Бай Сяньюна и «Дублинцев» Дж. Джойса; показано, какую важную роль играют здесь во многом определяющие содержание рассказов апокалиптические чувства и настроения, проникающие в душу героев, элементы экзистенциального сознания – такие, как болезненное чувство изоляции, отчуждение героя от внешнего мира, смещение границы реального и воображаемого, особое отношение человека к смерти и абсурдности его бытия.

Писатель активно внедряет в свою художественную практику прием «потока сознания», формы экзистенциального сознания и метод построения сюжета путем устремления во внутренний мир героев. Особое внимание здесь заслуживает рассказ «Зимний вечер», где Бай Сяньюн через различные «зимние» образы и символы – как показывает анализ образности рассказа (проходящий через все повествование мотив «холода») – всесторонне изображает «разочаровавшегося интеллигента», показывая его душевные страдания и потерянность перед лицом колоссального исторического потрясения, изображая глубокие муки совести за собственное бессилие и примирение с жизнью. Наряду с выявлением связей творчества Бай Сяньюна с открытиями западного модернизма, в работе наглядно показана и его глубокая укорененность в многовековые традиции классической китайской литературы и

культуры; обращение к таким рассказам, как «Прогулка по саду, пробуждение ото сна», «Ода старому другу», «Элегия Лян Фу» свидетельствует о том, что практически в каждом рассказе сборника «спрятан» определенный культурно-исторический код китайского народа, идет внутренний диалог с классическими произведениями китайской литературы.

В **заключении** представлены итоги диссертации, сформулированы общие выводы о результатах исследования. Обращаясь к опыту развития русской и китайской литературы первых двадцати лет после революций, пережитых двумя народами в XX столетии, изучая проблемы своеобразия образа героя-интеллигента, создаваемого на обоих берегах разделенной национальной литературы, мы можем говорить о некоторых чертах типологических сходств в прозаическом повествовании «здесь» и «там». В литературной «метрополии» – и русской, и, спустя пару десятилетий, китайской – появилась проза, герой которой осуществляет прямое взаимодействие с окружающей суровой действительностью. Яркими примерами здесь служат начинающий медик в цикле рассказов «Записки юного врача» М. Булгакова и молодой партработник в рассказе «Новичок в орготделе» Ван Мэна. Структура каждого из двух произведений представляет собой мозаику из отдельных эпизодов жизни героя, разделенную на главы, однако все они взаимосвязаны. Их объединяют не только личность рассказчика, но и время, и место действия. Внутренняя взаимосвязь двух книг достигается сквозными метафорическими мотивами («красное/белое», «тьма/свет», пушкинская «вьюжная» метафора в «Записках юного врача» – и мотив «смены сезонов» в «Новичке в орготделе») и единичными символическими образами и картинами (ср. символическую картину сна героя в «Тьме египетской» у М. Булгакова, где юный врач уподоблен древнему рыцарю, идущему сквозь кромешную тьму «не то с мечом, не то со стетоскопом», – и обращенный к самому себе призыв молодого героя из рассказа Ван Мэна: «Нужно бросаться в бой снова и снова – до тех пор, пока не победишь. Прочь уныние и неверие!»). Внутреннее призвание в молодых энтузиастах соединяется с полнотой личной ответственности, в которой

совмещаются все возможные ее виды: ответственность перед собой, перед другим, перед обществом, перед народом. Процесс взросления двух героев, их путь из юноши в мужчину, от новичка до мастера создает единую цепь повествования, звеньями которой являются их ежедневный труд, общение с ближайшим окружением и накапливающийся жизненный опыт.

А в «диаспоре» – в обеих разделенных литературах рождалась проза, основным художественным пространством которой становится внутренний мир героя, а события и повороты этой внутренней жизни оказываются основой развития сюжета и средством самоосуществления героя. Апокалиптические чувства и настроения проникают в душу каждого русского и китайского изгнанника, они нашли отражение в романе Г.И. Газданова «Вечер у Клэр» и сборнике рассказов «Тайбэйцы» Бай Сяньюна. Значительный пласт художественного пространства и «Вечера у Клэр», и «Тайбэйцев», под общим для русского и китайского писателей влиянием Дж. Джойса составляет исключительно их экзистенциальное начало: в центре каждого произведения оказываются основные мотивы и образы, во многом определяющие движение сюжета: «путешествие», «память», «смерть», «холод», и поток образов внутренней жизни героя-интеллигента, его сознания, работа души, рефлексия непосредственных переживаний, размышления над собственным предназначением перед лицом колоссального исторического потрясения. Здесь стоит особо отметить, что и Газданов, и Бай Сяньюн активно используют в своей художественной практике западные модернистские теории и методы (черты символизма, элементы экзистенциализма, поток сознания и т.д.), но при этом бережно сохраняют свои национальные классические литературные традиции. Сам факт изгнания позволил двум писателям увидеть подлинное лицо своей страны изнутри и извне, познать сущность Родины с двух точек обзора (из точки исхода и точки нового пребывания). Можно сказать, что главный залог и главное условие громкого успеха у обоих молодых авторов лежит именно в их нелегком пути в эмиграцию и в самом изгнании.

Основное содержание и результаты диссертационного исследования отражены в следующих работах:

Публикации в научных журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. Тан Мэн Вэй. Художественное своеобразие «Записок юного врача» М.А. Булгакова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – М. 2016. № 1, С. 63-71.
2. Тан Мэн Вэй. Образ героя-интеллигента в «Записках юного врача» М.А. Булгакова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – Тверь. 2016. № 1, С. 335-342.
3. Тан Мэн Вэй. Художественное своеобразие романа «Вечер у Клэр» Гайто Газданова: между традицией и авангардом // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Томск. 2016. Вып. 7. С. 172-178.

Публикации в других научных журналах и сборниках:

4. Тан Мэн Вэй. Язык цикла рассказов М.А. Булгакова «Записки юного врача» как отражение документальности художественного повествования // Сборник трудов и материалов V международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: Исторические судьбы и современность» (МГУ имени М.В. Ломоносова, марта 2014 г.). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 446-447.
5. Тан Мэн Вэй. Тайваньская литература 1950-60-х годов и литература первой «волны» русской эмиграции. Общее и особенное в судьбах разделенных литератур в XX в. // Сборник материалов VI международной конференции «Проблемы литератур Дальнего Востока» (СПбГУ, июнь 2014 г.). – СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2014. Т. 2. С. 202-210.
6. Тан Мэн Вэй. Интеллигент в изгнании: мотив ностальгии в литературе русского зарубежья и в тайваньской литературе // Слово. Грамматика. Речь: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. Вып. XV. – М.: МАКС Пресс, 2014. С. 183-190.

7. Тан Мэн Вэй. Актуальность и перспективы использования материалов литературы русского зарубежья первой волны эмиграции в преподавании РКИ на Тайване // Слово. Грамматика. Речь: Материалы VI международной научно-практическая конференция «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного» (МГУ имени М.В. Ломоносова, ноябрь 2015 г.). Вып. XVI. – М.: МАКС Пресс, 2015. С. 597-599.
8. Тан Мэн Вэй. Образ героя романа Г. Газданова «Вечер у Клэр»: катастрофичность сознания в эпоху исторических потрясений // Слово. Грамматика. Речь: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. Вып. XVII. – М.: МАКС Пресс, 2016. С. 208-218.